

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 330.342
10.17213/2075-2067-2019-3-3-9

ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ В УСЛОВИЯХ ЛОВУШКИ ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ¹

© 2019 г. Р. М. Нижегородцев

Институт проблем управления РАН, г. Москва

В статье описывается так называемая ловушка деиндустриализации, в которую рискует попасть российская экономика вследствие устойчивой дешевизны труда. Показано, что наличие этой ловушки затрудняет процессы управления сферой научных исследований. С этой точки зрения рассматриваются институциональные трансформации в управлении российской наукой и делается вывод о том, что соответствующая система управленческих институтов идет по пути деградации, который рискует завершиться быстрым развалом управляемой системы.

Ключевые слова: институциональные трансформации; управление наукой; Высшая аттестационная комиссия; технологическая ловушка; дешевизна труда.

The paper describes so called trap of deindustrialization, which is in danger of falling of the Russian economy due to the stable low cost of labour. It is shown that the trap makes it difficult to control the sphere of research and development. From that view, institutional transformations in the management of Russian science are considered and it is concluded that the corresponding system of management institutions is on the path of degradation, which is probably ending up with the rapid collapse of the managed system.

Key words: institutional transitions; R&D management; Higher Appraisal Committee; technological trap; low cost of labour.

Экономическая рецессия, на грани которой вот уже несколько лет балансирует российская экономика, опасна не столько самим фактом спада физических объемов производства, сколько тем, что она стимулирует деиндустриализацию, переход к более примитивным технологиям. Использование дешевого труда, оправданное в краткосрочной

перспективе, оборачивается долгосрочной стагнацией и нарастанием инфляционных тенденций в экономике. Экономическому росту в России препятствуют два ключевых обстоятельства: дешевизна труда и дефицит длинных денег.

Дешевый труд порождает технологическую отсталость, поскольку дорогие высокие

¹ Исследование выполнено при частичной поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Научные основы развития российского научно-инновационного комплекса в контексте глобальных трансформаций».

технологии оказываются неконкурентоспособными в сравнении с ним. В свою очередь, технологическая деградация провоцирует инфляцию, поскольку инвестиции в стареющие технологические уклады приносят убывающую отдачу, что неминуемо обеспечивает нарастание инфляции издержек (это так называемая технологическая ловушка). Инфляция порождает ножницы цен, вызывая относительное удешевление труда по сравнению с другими факторами производства [1].

Тем самым круг замыкается, и возникает воронка отсталости «дешевый труд — технологическая отсталость — инфляция — ножницы цен — удешевление труда», куда время от времени попадают все страны мира, воспроизводство которых осуществляется на индустриальной основе [2].

О пагубном воздействии дешевизны труда на динамику макросистем написано немало [3]. В числе прочих обстоятельств следует учесть, что в большинстве макросистем имеет место расточительное расходование непропорционально дешевых ресурсов, в данном случае — труда. В условиях дешевизны труда бережное отношение к человеку трудно признать разумным, это противоречит экономической логике. Отсюда вытекает целый ряд фактов, красноречиво свидетельствующих о недостаточном внимании к воспроизводству человеческого капитала страны, например: 1) многочисленные факты задержки зарплаты и социальных выплат; 2) ухудшение качества социальных услуг, предоставляемых государством либо частными фирмами под контролем государства; 3) снижение качества образования и медицинского обслуживания [4] и т. д.

Все это приводит к размыванию, деградации человеческого потенциала страны, целых отраслей (например, космическая промышленность [5]) и отдельных производств. Частично это деквалификация работающих, частично — отток кадров из наукоемких, высокотехнологичных секторов, что в любом случае затрудняет управление компетенциями, призванное обеспечить определенный технологический уровень производственных процессов.

Технологическая отсталость опасна еще и тем, что если производство не нуждается в высоких технологиях, значит, оно переста-

ет нуждаться и в людях, способных создавать их и применять их в производстве, поэтому наблюдаемые сегодня судорожные попытки поддержать хотя бы отдельные высокотехнологичные сектора в условиях дешевого труда осуществляются в значительной мере насильственным образом, вопреки экономической логике, а не благодаря потребностям производства.

Таким образом, в современной российской экономике имеет место опасность «обедняющего» роста, достигаемого за счет сверхэксплуатации людей. Рост может быть достигнут за счет расточительного расходования тех или иных ресурсов (как правило, менее дефицитных), например, за счет истощения невозобновляемых природных ресурсов или загрязнения среды, а может быть достигнут за счет расточительного расходования живого труда. Низкие формальные показатели производительности труда связаны во многом именно с этим фактом.

Проблема измерения производительности труда заслуживает отдельного внимания [6], и следует констатировать, что при том огромном значении, которое придается данному показателю в различных рейтингах и отчетах, отсутствие внятных дискуссий о методиках его исчисления, как минимум, настораживает.

Каким образом в этих макроэкономических условиях нужно управлять системой научных исследований?

Для начала заметим, что правительство давно перестало обращаться к ученым за советом в тех вопросах, где принятие решений без предварительного научного анализа недопустимо. Это касается поспешно и пагубно проведенной монетизации льгот, которая впоследствии была частично отменена, это касается и реформы Российской академии наук образца 2013 года, вызвавшей вполне справедливое негодование значительной части российских ученых, и многих других решений, направленных на проведение в жизнь программы либеральных реформ, реализованных в значительной мере вопреки мнению российских специалистов [7].

Возникает естественный вопрос: кто же виноват в том, что правительство не слышит ученых, правительство или ученые? Ответ на него крайне прост. Вспоминая недавнюю

историю реформ, нетрудно заметить, что момент, когда правительство перестало обращаться за советом к российским ученым, совпал с моментом, когда основными его советниками и консультантами стали западные (в основном американские) экономисты.

В качестве примера (весьма показательного, но далеко не единичного) можно указать на то, что программа приватизации 90-х годов была разработана американской консалтинговой группой по заказу российского правительства. Затем последовали различные проекты законодательных актов, регулирующих хозяйственную реальность. Затем всевозможные дорожные карты по развитию тех или иных отраслей и подотраслей. Наконец, так называемая Карта российской науки, не пригодная к употреблению ни для каких целей и ни при каких обстоятельствах, хотя на ее формирование было потрачено немало времени и денег, которые, по-видимому, никто не собирается возвращать в бюджет Российской Федерации.

Остается лишь выяснить: неужели это российская наука столь резко поглупела, что правительство перестало ее слушать? Или, может быть, это вопрос политических предпочтений? Ведь программа приватизации, сформированная российскими учеными, отражала бы в первую очередь интересы России, а не других государств, щедро спонсирующих отдельных членов российского правительства.

Глобальная проблема, в которой просматривается, тем не менее, очевидная российская специфика, заключается в том, что экономические интересы побуждают ученых перемещать область своих интересов в сторону прикладной науки и опытно-конструкторских работ, результаты которых имеют существенно более высокий коммерческий потенциал, нежели фундаментальная наука. Иначе говоря, наука перестала отвечать на вопросы пытливого ума, она отвечает на запросы ленивого брюха: чего изволите? Для этого придумали специальное название — практико-ориентированные исследования. И если вдруг оказалось, что брюхо уже послало запрос, а ответ у науки еще не готов, ученые получают обвинение в недобросовестном выполнении своих функций, своих обязанностей перед обществом, которое их содержит. В качестве

примера приведем требование ликвидации Высшей аттестационной комиссии, базирующееся на том аргументе, что она присуждает ученой степени в том числе за работы в области фундаментальной науки, и содержащиеся в них научные результаты не подлежат продаже бизнес-структурам, следовательно, они бесполезны [8]. Если хочешь быть ученым, найди тех, кому пригодятся твои результаты, и зарабатывай на этом.

Из этой абсолютно несостоятельной идеи, пагубной для развития науки, впоследствии выросло требование коммерциализации результатов научных исследований, обращенное к самим ученым. Имеющее место в современном мире углубление разделения труда в сфере НИОКР и инноваций предполагает, что получение научных результатов и их коммерциализация становятся делом совершенно разных групп людей. Это вполне объяснимо, поскольку у этих людей различные критерии успеха: для создающего научное знание задача в том, чтобы объяснить, как устроен мир, для продающего это знание задача в том, чтобы заработать деньги. В результате формально возложенная на самих исследователей задача коммерциализации результатов научных исследований (т.е. задача заработать деньги для вуза или НИИ путем продажи результатов интеллектуальной деятельности) оборачивается коммерциализацией чего угодно — деловых связей, хороших отношений, доверия, возможности незаконного распределения средств (так называемые откаты), — но только не самих научных результатов.

За последние 25 лет в управлении российской наукой было принято немало абсурдных и губительных решений, подчиняющихся общей логике развала, уничтожения системы научных исследований [9–11], но решение о коммерциализации науки стоит особняком в этом ряду, поскольку представляет собой попытку (к счастью, пока не слишком успешную) сместить критерии научного поиска. Сферу науки пытаются подчинить общей логике рыночной экономики: нужно создавать то, что можно продать, и этот критерий выступает верным инструментом ликвидации сперва фундаментальной науки, а затем и всей науки вообще, поскольку задача поиска новых научных парадигм и оценки их перспективности — это задача, выполняемая

только и исключительно фундаментальной наукой, и без ее решения сфера науки в целом нежизнеспособна.

В последнее время абсурдные решения принимаются и в системе аттестации научных кадров. Одним из таковых стала частичная приватизация функций аттестации [12], распространяемая на ряд так называемых ведущих научных и учебных организаций страны. Таких организаций очень немного, и они сосредоточены в развитых и богатых регионах. Тем самым деятельность ВАКа и Минобрнауки еще сильнее углубляет межрегиональную дифференциацию, формирует неравенство уровня и качества жизни населения в богатых и бедных регионах страны, подрывая территориальное единство и целостность Российской Федерации.

Нет сомнений в том, что межведомственные противоречия вызовут необходимость дальнейшей приватизации и раздробления функций аттестации научных кадров. Во многих министерствах существует собственная система высшего образования (эту функцию реализуют ведомственные вузы) и собственная отраслевая наука, а ученые степени присуждает Минобрнауки, исходя из единых стандартов, не отражающих наличия ведомственной специфики. Это противоречие закономерно с определенным лагом вызовет желание некоторых федеральных министерств организовать собственную систему аттестации научных кадров. Тем не менее, сохранение единого научно-образовательного пространства подразумевает в том числе и сохранение единства системы аттестации научных кадров. Таким образом, **ВАК необходимо вывести из подчинения Минобрнауки и передать в прямое подчинение правительству страны.** Утрата единства государственной системы аттестации научных кадров — это шаг к утрате территориального единства и целостности страны, этого нельзя допустить.

Озвученный председателем Высшей аттестационной комиссии факт, что с 2012 по 2016 год количество защищенных диссертаций по экономическим наукам (как кандидатских, так и докторских) сократилось более чем вчетверо [13], он приводит в качестве примера эффективной, успешной работы системы аттестации научных кадров. Как

всегда в подобных случаях, возникает вопрос о критериях эффективности и успешности.

Если стоит задача повышения качества научных исследований, то требует доказательства связь между снижением количества защищенных диссертаций и ростом их качества, что в данном случае даже не обсуждается. Если же задача в том, чтобы повысить входной барьер для диссертантов, то можно уверенно утверждать, что эта задача успешно решена. Таким образом, факт, выдаваемый председателем ВАК за достижение, следует квалифицировать как свидетельство разгрома российской экономической науки.

Теперь ученые боятся писать диссертации, потому что смысла нет — слишком высоки входные барьеры, к тому же есть опасность, что уже после защиты обнаружатся проходимцы, которые, сами не будучи специалистами ни в одной области науки, инициируют лишение ученой степени. А диссоветы боятся принимать к защите работы, чтобы впоследствии не было отмены решений о присуждении, потому что в этом случае их деятельность будет прекращена приказом Министерства.

Таким образом, ВАК превратился в карательную, репрессивную организацию, задача которой — не обеспечить, а парализовать процесс подготовки кадров высшей квалификации, заблокировать научный и карьерный рост российских ученых.

Приведем свежий пример на данную тему. Программа «Цифровая экономика» утверждена правительством страны в середине 2017 года [14]. Там перечисляются угрозы, связанные с развитием цифровой экономики, и в числе семи важнейших угроз упоминается недостаточно высокая эффективность научных исследований в данной области и отставание в подготовке кадров. Нужны ли стране экономисты, способные исследовать проблемы информатизации экономики? Нужны. Нужны кандидаты и доктора наук в этой области? Да, они нужны. Есть у нас такая специализация? Есть, в рамках специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами — связь и информатизация). А есть ли диссертационные советы по этой специализации? Как вы ду-

маете, сколько их в стране? Правильный ответ: один. Он открыт на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

И это не единственная умирающая специальность, на самом деле их немало, по крайней мере, в экономических науках. По ценообразованию существуют два диссертационных совета на всю страну: в РЭУ им. Г.В. Плеханова и в Институте экономики РАН. По демографии — один — в ИСЭПН РАН. Был еще совет в Институте экономики УрО РАН в Екатеринбурге, сейчас этот совет закрыт. И в МГУ был такой совет, но с тех пор, как МГУ вышел из ВАКовской системы аттестации, свой собственный совет по демографии они не создали, хотя раньше, в рамках ВАКовской системы, он работал. По рекреации и туризму осталось всего два диссертационных совета: один в Санкт-Петербурге, другой в Сочи.

Почему так происходит? Потому что ВАК работает по правилам, которые блокируют какую-либо научную активность в соответствующих областях. В организации нельзя открыть совет, если в ней не подготовлены хотя бы 1 доктор наук и 3 кандидата наук за последние пять лет по этой специальности. А как они могут быть подготовлены, если нет таких диссоветов? А как могут появиться диссоветы, если ни одна организация в стране не удовлетворяет требованиям, необходимым для того, чтобы такой диссовет открыть? Это замкнутый круг. В результате люди, даже выполнившие работу по определенной специальности, маскируются под другую, более популярную специальность, для того, чтобы им легче было защититься.

И это далеко не единственное бессмысленное, дисфункциональное правило в процедуре создания диссоветов, которое мешает работать. Сейчас многие институциональные решения в ВАКовской системе работают так, что каждый нормальный человек должен испытывать манию преследования и горячее желание из этой системы убежать. И это сделано специально для того, чтобы спровоцировать массовый исход организаций из ВАКовской системы, чтобы развалить единую государственную систему аттестации научных кадров, расчленив ее на части, как пытаются расчленив и саму территорию Российской Федерации.

Вызывает крайнее сожаление тот факт, что люди, курирующие в Министерстве систему аттестации научных кадров, принимают решения таким образом, чтобы вызвать неминуемый и быстрый распад этой системы и в конечном итоге — разгром всей отечественной науки, которую пытаются вырубить под корень при помощи постоянно ухудшающейся, деградирующей системы институтов управления наукой.

Если срочно, немедленно не вмешаться в ситуацию на уровне правительства страны, то этот распад, этот коллапс произойдет очень скоро.

В исторической перспективе внедрение информационных технологий позволит алгоритмизировать и поставить на поток, превратить в достаточно рутинную операцию процесс получения нового научного знания. Используя определенные алгоритмы и технологии, можно будет просто конструировать новое знание в заранее заданной области, собирать его, как кубик Рубика. Эта трансформация в работе ученого в чем-то сродни изменениям в профессии дизайнера. Сегодня дизайнер — это не тот, кто сумел что-то придумать и разработать, а тот, кто овладел программным аппаратом и научился оперировать шаблонами, из сочетания которых возникает уникальный дизайн, способный создать требуемый, заранее заданный эффект и обладающий необходимыми параметрами.

Подобно тому, как переход к индустриальному производству алгоритмизировал процесс создания индустриальных продуктов и передоверил их производство системе машин, управляемых человеком, так же и переход к информационному производству превратит научную информацию в продукт массового производства и потребления, создание которого будет подчинено определенным алгоритмам и стандартам.

Этот факт, разумеется, вызовет существенный сдвиг в понимании того, что такое научная новизна и в чем заключается квалификация работника науки, подобно тому, как мастерство ремесленника-кузнеца очень несходно с мастерством оператора кузнечного пресса. Как обычно бывает в таких случаях, технологический сдвиг, открывающий новые возможности для деятельности, поро-

дит трансформацию институциональных решений, в рамках которых эта деятельность протекает.

Литература

1. Горидько Н. П. Регрессионное моделирование инфляционных процессов: Монография. — М.: РосНОУ, 2012. — 248 с.

2. Попкова Е. Г., Митрахович Т. Н. «Воронки отсталости» как фактор замедления темпов инновационного развития российской экономики // Управление инновациями — 2011: Материалы международной научно-практической конференции 14–16 ноября 2011 г. / Под ред. Р. М. Нижегородцева. — М.: ЛЕНАНД, 2011. — С. 123–126.

3. Нижегородцев Р. М. Современная динамика рынка труда в России и барьеры на пути инновационного развития экономики // Russian Journal of Management. — 2015. — №3. — С. 213–219.

4. Волкова О. Ректор ВШЭ увидел в молодых россиянах новый класс безработных [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/25/10/2015/562bfaa99a7947bc0657ca22>. (Дата обращения: 25.10.2015 г.).

5. Скоморохов Р. Чистка в «Роскосмосе»: не опоздать бы [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://topwar.ru/104521-chistka-v-goskosmose-ne-opozdat-by.html>. (Дата обращения: 28.11.2016 г.).

6. Нижегородцев Р. М. Производительность труда как экономическая категория: содержание и измерение // Управление инновациями — 2018: Материалы международной научно-практической конференции 19–21 ноября 2018 г. / Под ред. Р. М. Нижегородцева, Н. П. Горидько. — Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2018. — С. 18–22.

7. Глазьев С. Ю. Экономика будущего: Есть ли у России шанс? — М.: Книжный мир, 2016. — 640 с.

8. Валерий Зубов: ВАК необходимо закрыть // rg.ru [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1129922/>. (Дата обращения: 21.02.2013 г.).

9. Нижегородцев Р. М. Россия — страна умных! К вопросу о национальной идее и о перспективах ликвидации российской науки // Вопросы новой экономики. — 2013. — №1. — С. 43–45.

10. Нижегородцев Р. М. О расчете показателей результативности научной деятельности и практике дискриминации «неудобных» издательств // Стратегическое планирование и развитие предприятий: Материалы Симпозиума. Москва, 9–10 апреля 2013 г. / Под ред. Г. Б. Клейнера. Секция 2. — М.: ЦЭМИ РАН, 2013. — С. 135–140.

11. Нижегородцев Р. М. Принципы экономической политики в сфере образования и науки // Региональные инновационные системы: анализ и прогнозирование динамики: Материалы Шестнадцатых Друкеровских чтений / Под ред. Р. М. Нижегородцева. — Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2013. — С. 3–12.

12. Нижегородцев Р. М. Аттестация научных кадров: нерешенные проблемы // Юридическое образование и наука. — 2018. — №3. — С. 29–36.

13. Глава ВАК отметил снижение числа диссертаций по «проблемным» специальностям [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ria.ru/society/20171114/1508764998.html>. (Дата обращения: 14.11.2017 г.).

14. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>. (Дата обращения: 28.07.2017 г.).

Поступила в редакцию

13 мая 2019 г.



Нижегородцев Роберт Михайлович — доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института проблем управления РАН. Специалист в области отраслевой и региональной экономики, институциональной экономики, экономики инноваций, экономического моделирования и прогнозирования. Автор более 800 научных публикаций, в том числе более 30 монографий.

Nizhegorodtsev Robert Mikhailovich — Doctor of Economics, Laboratory chief in the Institute of Control Sciences RAS. Majors in industrial economics, regional economy, institutional economics, economics of innovations, economic modelling and forecasting. The author of more than 800 scientific publications including more than 30 monographs.

117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 65
65 Profsoyuznaya st., 117997, Moscow, Russia
Тел.: +7 (495) 334-79-00; e-mail: bell44@rambler.ru
